

ного явления. Но если при теории социализма признавать преимущественно высказанное противником ускорен и быстрого роста социалистического движения в западно-европейских промышленных странах; вопрос же о сравнительных политическо-экономических условиях этого движения, о закономерности или исключении по отношению к другим общественным тенденциям и об его роли в общей перспективе политических сил оставался более или менее на второй. Подразумевалось, что этот вопрос уже с достаточной определенностью разрешается самим фактом непрерывного роста и развития социалистического движения в рабочей среде, так как предполагалось, что, когда это движение достигнет определенных рамок, оно должно *будет*, из себя притянуть еще революционных стремлений, овладеть политической властью и произвести соответствующий общественный переворот.

Но такая постановка вопроса могла бы считаться правильной только в том случае, если бы рост социалистического движения можно было рассматривать независимо от роста и развития других, противостоящих ему общественных факторов, или если бы этот рост совпадал с упадком и разложением противоположающихся ему общественных тенденций; тогда одно собственное развитие социалистического движения уже достаточно определяло бы особое общее положение дѣла. Между тем, в той теории научного социализма, которой социальными разноречивыми нами бесспорными признаками ускорен социалистического движения, а именно в социаль-демократической теории, вопрос этот поставлен, как известно, совершенно иначе, так как самый рост социалистического движения оказывается в ней находящимся в прямой зависимости от роста и развития крупного капиталистического производства, составляющего главную основу экономического могущества буржуазии. Но так как вопрос о росте и развитии крупного капиталистического производства очевидно должно влиять также политическое явление опирающееся на это общественный класс, т.е. буржуазия, вопросом которой становится главный непосредственный объект ее интересов социалистического движения, то ясно дѣло, что при таком определении условий развития социализма одного указания на его непосредственное развитие уже недостаточно для полноты охарактеризовать явление, так как дѣло идет здесь уже не об одном непосредственно развивающемся общественном факторе, а об

взаимодействии соотношения между двумя взаимно растущим и развивающимися общественными силами: социализмом и буржуазией.

Легко видеть, в самом дѣлѣ, что, когда взаимное общественное положение определяется взаимным соотношением между двумя одновременно растущими и развивающимися общественными тенденциями, то такого рода формула является как бы уравновешенной с двумя неизвестными, но сдвигаясь вперед или отступая назад политическое положение и не уменьшаясь или прибавляясь из какого-нибудь определенного политического результата. Растет крупная капиталистическая промышленность и вместе с нею растет политическое и политическое могущество буржуазии; с другой стороны, развивается социалистическое движение и вместе с ним развивается также политический могущество партии с совершенно определенными идеями общественного переустройства. Но что же дальше? Где выход из этого замкнутого круга? Когда Бобель указывал в своей актерской рѣчи на предположительный дальнейший рост ивической социаль-демократии, то при этом, согласно социаль-демократическому пониманию условий развития рабочего движения, необходимо подразумевалось также дальнейшее успешное развитие ивической капиталистической промышленности; но развѣ дальнейшее успешное развитие ивической капиталистической промышленности не предполагает, неизбежного дальнейшего роста политического могущества ивической буржуазии?

Несомненно, таким образом, что в современной социаль-демократической теории научного социализма заключается очень существенный теоретический пробѣл, основанный на полной неадекватности общественные и политическое этого социаль-демократического движения. Опираясь в своей главнейшей и даже единственной предпосылки на громадное развитие крупной капиталистической промышленности, она в то же самое время как бы совершенно не замечает той противоположной стороны этого явления, которая является столь же громадной и столь же неизбежной развития политического могущества буржуазии.

Но если отношения между двумя тенденциями научного социализма, — того научного социализма соротивших годов прошлого столѣтія, который был сформулирован в Кокунистическом Манифестѣ Маркса и Энгельса, — была, без всякого сомнения, гораздо больше и законченнее. Она была построена, как известно, на том диалектическом процессѣ самоотрицания и саморазрушения